

ССР, хор и солисты Большого театра Союза ССР.

Мне выпала большая честь дирижировать этой изумительной бетховенской симфонией. Я инстинктивно почувствовал, с каким исключительным интересом готовится аудитория слушать Бетховена. Это передавалось и всем исполнителям.

Абсолютная тишина. Зрительный зал затан дыхание,

силы выступить в новом боннском концертном зале, носящем имя Бетховена. Накануне концерта весь коллектив нашего оркестра побывал в домемузее Бетховена.

Западногерманская публика проявила большой интерес к бетховенскому вечеру. Многие слушатели специально приехали на концерт в Бонн из других городов ФРГ. Естественно,

Пятый концерт для фортепиано с оркестром (солист Николай Петров) и Седьмая симфония.

Нам был очень радостен большой успех советского симфонического оркестра у высказательных немецких слушателей. Западногерманская пресса в своих рецензиях высоко оценила мастерство советских музыкантов, их точную интерпретацию произведений Бетховена.

коже нашей социалистической эпохе. Мысли и чувства, заложенные в музыку Бетховена, близки советскому слушателю.

Чем близки?

Масштабностью, жизнеутверждающим началом творчества Бетховена. Его произведения всегда будут созвучны героике нашей современности, нашим трудовым свершениям. Музыкальная общечеловечность отмечает 26 марта 150-летие со дня смерти великого композитора.

Где бы ни исполнялась музыка Бетховена — в концертных залах, по радио, телевидению, во дворцах культуры, промышленных центрах, в цехах заводов, студенческих аудиториях, — везде его вдохновенные произведения находят самый короткий путь к сердцам советских людей.

Государственный симфонический оркестр СССР в этом, юбилейном году 60-летия Великого Октября наряду с лучшими произведениями советских композиторов, как всегда, включит в свои программы бессмертные сочинения Бетховена. Ибо его музыка, которую очень любил Владимир Ильич Ленин, глубоко созвучна нашему времени.

Евгений СВЕТЛАНОВ,
народный артист СССР,
лауреат Ленинской премии

СЛУШАЯ БЕТХОВЕНА

словно наэлектризованный, с первых же тактов до самого конца прослушал Девятую симфонию. И когда прозвучал патетический финал симфонии, весь зрительный зал в одном порыве встал и разразился бурными аплодисментами. Это была наша общая дань памяти Бетховена, восхищение его музыкой.

И вот другой торжественный концерт в честь 200-летия со дня рождения Бетховена — на его родине в Бонне. В это время Государственный академический симфонический оркестр Союза ССР находился на гастролях в ФРГ. Нам пригла-

что и артисты оркестра, и я испытывали большое волнение перед выступлением от сознания того, что мы играем в городе, где многое связано с жизнью и творчеством великого Бетховена. В программе концерта в нашем исполнении прозвучали: увертюра «Эгмонт»,

Бетховен. Портрет работы А. КЛЕБЕРА.

назначил мне постоянную сумму в 600 гульденов, которую я буду получать, пока не найду себе подходящего места. Мои сочинения приносят мне... доход... На каждую вещь находится 6—7 издателей и даже еще больше, стоит мне только проявить интерес к этому. Со мной больше не торгуются, я требую, и мне платят. Видишь, как это хорошо: например, я вижу одного из своих друзей в нужде, а мой кошелек как раз не позволяет сразу помочь ему; тогда мне достаточно только присесть, и через короткое время он уже выручен. При этом я стал бережливее, чем раньше. Если я останусь здесь навсегда, то наверняка достигну того, что ежегодно мне будут выделять деньги для академии... Только мой завистливый демон, мое здоровье, стоит мне поперек дороги, а именно, мой слух уже три года как все слабее. И в довершение ко всему мой желудок (который, как ты знаешь, еще тогда был плох) становится все хуже... Франк решил придать нужный тон моему телу различными укрепляющими средствами, а моему слуху — миндальным маслом, но увыл — из этого ничего не получилось. Мой слух все ухудшался, а желудок остался в том же положении. Так продолжалось до осени прошлого года, когда я не раз впадал в отчаяние. Но тут какой-то медицинствующий осел прописал мне для моего состояния холодные ванны, другой, более умный, обыкновенные теплые ванны из дунайской воды. Это сотворило чудеса. Мой желудок стал лучше, слух, однако, остался без изменений или даже ухудшился. Эту зиму мне было очень плохо. Мои уши, в них шумит и гудит день и ночь! Могу сказать, что влачу жалкое существование. Вот уже два года я почти полностью избегаю всякого общества, потому что мне непереносимо сказать людям: я глухой. Если б у меня было другое занятие, это было бы все же легче, но при моем ремесле это состояние ужасно. Притом еще мои враги, которых у меня немало, что скажут они на это!

Чтобы дать тебе представля-

ние об этой удивительной глухоте, скажу, что в театре, чтобы понимать актера, я вынужден садиться вплотную к оркестру. Если я нахожусь в некотором отдалении, то не слышу высоких тонов инструментов и поющих голосов. Я удивляюсь, что при разговоре есть люди, не замечающие этого; так как я большей частью рассеян, то они приписывают все рассеянности. Говорящего тихо иногда едва слышу, вернее, различаю звуки, но не слова, и все же, если кто-нибудь кричит, это для меня непереносимо... Что со мною будет дальше — бог знает. Веринг говорит, что обязательно наступит улучшение, хотя и не полное... Плутарх научил меня смиренности. Я хочу, если только возможно, противиться моей судьбе, хотя в моей жизни бывают мгновения, когда я чувствую себя самым несчастным творением божьим. Я прошу тебя, об этом моем состоянии не рассказывать ничему, даже Лорхен, я доверяю тебе это как тайну... Смирение! Что за жалкое прибрежие, и все же оно единственное, что мне остается! Стефан Брейнинг сейчас здесь, и мы почти каждый день вместе. Воскрешение старых чувств действует на меня так благотворно.

Я живу только в моих нотах, и едва кончаю одно сочинение, как начинаю уже другое. Сейчас я нередко работаю так, что пишу три-четыре вещи одновременно.

Гейлигенштадское завещание
«6 октября. Моим братьям Карлу и Иоганну Бетховенам. О, вы, люди, считающие или объявившие меня озлобленным, упрямым или мизантропом, — как вы несправедливы ко мне. Вы не знаете тайной причины того, что я вам кажусь таким... подумайте только, вот уже шесть лет как меня поразил неизлечимый недуг, ухудшившийся из-за несведущих врачей. Год от года все больше обманываясь в надежде на улучшение... родившись с пламенным, живым темпераментом, очень склонным к развлечению, доставляемым обществом, я рано должен был обособляться, вести одинокую жизнь... и все же я еще не был в силах сказать людям: говорите громче, кричите, ведь я глух. Ах, как мог бы я прижаться... в слабости того чувства... которым я когда-то владел с наибольшим совершенством, с совершенством, которым обладают или обладали немногие люди: моей профессии, — о, я не могу этого сде-

лать... Я должен жить изгнанником. Едва только я сближаюсь с обществом, как меня охватывает жгучий страх, я боюсь быть подвергнутым опасности дать заметить мое состояние... и все же иногда, увлеченный стремлением к обществу, я шел на это. Но что за унижение, когда кто-нибудь, стоя рядом со мной, слышал издаваемые звуки флейты, а же не слышал ничего... Такие случаи приводили меня на грань отчаяния, недоставало малого, чтобы я покончил со своей жизнью.

Только оно, искусство, оно удержало меня! Ах, мне казалось невозможным покинуть мир, прежде чем я выполню все, к чему чувствовал себя призванным... Терпение — так зовут его... Оно должно стать моим руководителем, и я владею им... О, божество, ты с высоты проникаешь в глубь моего существа, ты знаешь его, ты знаешь, что в нем живут любовь к людям и желание делать добро.

Одновременно здесь объявляю вас обоих наследниками моего маленького состояния... Разделите его честно, живите в согласии и помогайте друг другу. Все дурное, что вы мне сделали, вы знаете, я вам уже давно простил... Внушайте вашим детям добродетель... не деньги — она одна может дать счастье. Прощайте и любите друг друга!

Пусть свершится. С радостью спешу я навстречу смерти. Но если она придет раньше, чем мне предоставится возможность развернуть все мои способности в искусстве, то, несмотря на мою жестокую судьбу, она придет слишком рано... Прощайте и не забывайте меня совсем после моей смерти. Я заслужил это от вас, ибо при моей жизни часто думал о вас, думал, как бы сделать вас счастливыми. Будьте же счастливы!

Гейлигенштадт, 6 октября 1802 г.

Итак, я расстанусь с тобой, и расстанусь с печалью. Да, ты, любимая надежда, которую я взял с собой сюда — надежда хоть до известной степени излечиться, — она должна меня навсегда покинуть...

О, Провидение, пошли мне хоть однажды день чистой радости! Уже так долго мне чуждо и внутреннее эхо истинной радости. Когда — о, когда же, о, божь, — я смогу его вновь ощутить в храме природы и человечества. Никогда — о, нет, это было бы слишком жестоко!

«Я ЖИВУ В МОИХ НОТАХ...»

Письма Людвиг ван Бетховена

Издателю Гофмейстеру:
«Ваше намерение издать произведения Себастьяна Баха благотворно действует на мое сердце, полностью преданное великому искусству этого прародителя гармонии. Что же касается наших с Вами собственных дел... я желал бы, чтобы в мире все происходило по-иному. Во всем мире должен был бы быть только один магазин по продаже произведений искусства, куда художнику достаточно было бы отнести свои работы, чтобы получить то, в чем он нуждается... Что же до лейпцигских слов («Аллегейн музыкалише цейтунг»), то пусть себе болтают, их болтовня никого не сможет сделать бессмертным, так же как и отнять бессмертие у того, кому оно определено Аполлоном».

Издателям Брейткопфу и Гертелю:
«Что касается вашего предложения относительно моих произведений, то мне очень жаль, что сейчас, в данный момент, я не смогу его в достаточной мере удовлетворить. Музыкальная политика требует, чтобы лучшие концерты я некоторое время хранил у себя... Когда я недавно зашел к одному из моих друзей и он назвал мне размер суммы, собранной для дочери бессмертного бога гармонии, я был поражен ее незначительностью, и это наводит меня на мысль: а что, если издать по подписке

что-либо в пользу этого лица... прежде чем этот Бах у нас здесь помрет, прежде чем этот ручей* иссякнет и мы не сможем его пить».

Бетховен — Альменде:
«...Твой Бетховен живет очень несчастливо. Знай, что благороднейшая часть моя, мой слух, очень ослабел. Еще тогда, когда ты был у меня, я чувствовал признаки этого, но скрывал, однако с тех пор это становится все сильнее... Печальное смирение — вот в чем теперь я должен искать прибежище. Разумеется, я решил быть выше всего этого, но удасться ли?.. Со времени твоего отъезда я писал все, вплоть до опер и церковной музыки... Я усовершенствовал также весьма сильно и мою игру на фортепиано... Твой квартет не передавай дальше, так как я его очень переделал, потому что только теперь научился хорошо писать квартеты...»

Бетховен — Вегелеру:
«Ты хочешь знать о моем положении, — ну, так оно не так уж плохо. С прошлого года Лихновский, который, — как это ни странно тебе слышать от меня самого, — всегда был и остается моим лучшим другом (правда, между нами были небольшие недоразумения, которые нельзя сказать, чтобы укрепили нашу дружбу),

* Слова «Бах» и «ручей» одинаковы в немецком правописании.